

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Шрамко Я.В. Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр

ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Максвелл Гровер. Онтологический статус теоретических сущностей

Сторожук А.Ю. Проблема наблюдения как аргумент в дебатах о реализме

Головко Н. Проблема индивидуации теорий и научный реализм

Карпин В.А. Философские начала построения современной научной теории в биологии и медицине

Параев В.В., Молчанов В.И., Еганов Э.А. Онтологические принципы эволюции земного вещества

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Литовка И.И. Математика в древнем Вавилоне: к вопросу о существовании вавилонской «алгебры»

МЕТОДИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПО ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Пещевицкий Б.И. О втором и первом законах механики

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

Попова С.С. Риск и наука: об области актуальности проблемы

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Целищев В.В. Пред тем, как Рорти я прочел...

Общие проблемы философии науки

ЗНАНИЯ И УБЕЖДЕНИЯ: ИХ РАЗВИТИЕ И КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕСМОТР

Я.В. Шрамко

Центральной проблемой эпистемологии всегда была и до сих пор остается проблема роста знания.

К.Р.Поннер

1

«Я знаю только то, что я ничего не знаю». Эта приписываемая Сократу [1] выразительная формула, если принимать ее буквально, а не в качестве литературной метафоры, имеет для теории познания значение, аналогичное значению парадокса лжеца для теории истины. Парадоксальность данного утверждения указывает на некий теоретико-познавательный вызов, требующий немедленного ответа. Вызов состоит в том, что в силу самоприменимости это утверждение, очевидно, не может быть истинным, оказываясь внутренне противоречивым. Следовательно, оно ложно, а значит, истинно его отрицание: «я *не* знаю, что я ничего не знаю». Иными словами, «я *не* располагаю знанием о том, что я ничего не знаю», т.е. «*возможно*, я что-то знаю». Что же именно? Уж не то ли, что «я ничего не знаю»? Таким образом, мы попадаем в порочный круг.

Выход из этого порочного круга возможен, но лишь при условии истолкования данной формулы в позитивном ключе – не как утверждения, обозначающего скептическую позицию или позицию убежденного агностика (будучи истолкованной таким образом, формула во

многим утрачивает смысл), а как положения, фиксирующего *исходный пункт* процесса познания и всякой теории познания вообще. В этом случае данное положение приобретает мощный эвристический заряд, образуя своего рода методологическую основу для «радикального сомнения» Декарта: «Необходимо хоть один раз в жизни усомниться во всех вещах» [2], а также первого из трех знаменитых вопросов Канта: «Что я могу знать?» [3].

Очевидно, что ответ на кантовский вопрос предполагает принятие того или иного определения знания, иными словами, этот ответ невозможен без предварительного решения вопроса «что такое знание?», или же «что значит знать?». Одним из первых этот вопрос поставил и систематически рассмотрел Платон в диалоге «Теэтет», где критически анализируются три различных определения знания: 1) знание как чувственное восприятие; 2) знание как правильное мнение; 3) знание как правильное мнение с объяснением. И хотя Платон последовательно отвергает каждое из этих определений, именно к одному из них (а конкретно – к последнему) восходит ныне каноническая дефиниция знания как *обоснованного истинного убеждения* [4]. В соответствии с этим мы знаем *нечто*, если, во-первых, мы *считаем* (убеждены, полагаем, имеем мнение), что это нечто имеет место, во-вторых, оно *действительно* имеет место и, в-третьих, наше мнение является в той или иной степени *обоснованным*. Такого понимания знания мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Но почему это понимание отвергалось Платоном? Решающую роль здесь, как известно, сыграло учение элеатов, резко противопоставлявших знание («эпистеме» – ἐπιστήμη) и мнение («докса» – δόξα). Как утверждал Парменид, мнение, соответствующее чувственному миру, не может быть знанием, которое должно соотноситься с «истинным бытием». Платон же развил эту идею дальше и положил ее в основу своей теории познания, оказавшей решающее влияние на многие последующие эпистемологические концепции.

Влияние это, на наш взгляд, было в значительной степени негативным. Противопоставление мнения и знания, подчеркивание их противоположности серьезно дискредитировало в глазах многих поколений философов понятие мнения (убеждения) в качестве теоретико-познавательной категории. В результате значение знания оказалось непропорционально преувеличенным: понятие знания приобрело статус основного (центрального) понятия всякой теории познания, а для самого познания